

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ А. Н. РОДЖЕРО О ГЕРМЕНЕВТИКЕ

1. С чего начинается герменевтика / то есть какая культурная или познавательная ситуация порождает герменевтику?/

Елена Соболевская

Герменевтика начинается с непонимания, а точнее – с изумления. Я заменяю этим словом привычное в философской среде слово «удивление», поскольку «изумление» мне представляется более близким к сути. Герменевтика начинается именно с ощущения себя *из ума вышедшим*; твоё мышление вдруг «сдвинулось», «съехало в сторону» и оставило проторенные ранее пути. Ты обнаруживаешь *нечто*, что является в качестве непонятого, но в то же время это «непонятое» к тебе обращается, и ты ощущаешь его *не-обходимость*. Здесь заканчивается состояние обыденного автоматического мировосприятия и начинается философское бодрствование – интерпретация, или герменевтика.

Анна Работорова

Герменевтика начинается в тот момент, когда на мир, содержащий в себе смысл, человек смотрит «разумными очами»

Константин Райхерт

Упрощённо: герменевтика – это интерпретационная практика, направленная на понимание текста. Поэтому можно утверждать, что герменевтика начинается тогда, когда у того, кто обращается за помощью к герменевтике, возникает необходимость понять тот или иной текст. Сама эта необходимость может быть обусловлена различными ситуациями. Самый простой пример: учитель задал прочитать произведение какого-то классика литературы и написать на основании прочитанного сочинение; ученик вынужден заниматься герменевтикой заданного текста, чтобы написать сочинение и получить достойную оценку за него. Другой простой пример: человек покупает мебель в разобранном виде; ему нужно собрать её своими силами, тогда он обращается к инструкции, приложенной к комплекту разобранной мебели; ему нужно понять, как собрать мебель, поэтому он вынужден заниматься герменевтикой текста инструкции. Возможны более сложные примеры, которые уже будут требовать определённой подготовки и знания определённых техник герменевтики, – это касается, прежде всего, философии, науки, религии, искусства, политики и т. п. Кстати, даже в примере интерпретации произведения и написания сочинения уже присутствует указание на некоторую технику интерпретации, так как в любом случае такой технике, даже в неявной форме, обучают в школе на уроках, посвящённых изучению литературы.

Сергей Пролеев

Если кратко, то порождает герменевтику необходимость истолкования

Юлия Томашевская

Вопрос о том с чего начинается герменевтика - это вопрос об условиях ее необходимости, когда мыслящая самое себя субъективность не может «быть» без герменевтики, как бы мы ее ни понимали. Хорошо было бы, если бы нам удалось «поймать с полочным на месте преступления» невозможность осуществления герменевтикой процедуры. Действительно, если мы предпримем попытку помыслить ситуацию, которая бы исключала герменевтику, то будем вынуждены признать свое поражение и смириться с тем, что даже тавтологии, рожденные в определенном контексте, порождают интерпретационные горизонты. Воля к ясности, определенности, означиванию и, таким образом, освоению или «присвоению» всего, что может быть помыслено, с одной стороны, и «сопротивление» «неразличимого», с другой, является условием для развертывания герменевтических стратегий.

2. В чем отличие специфически герменевтической установки от общепознавательной установки? Постигает ли герменевтика истину или же смысл?

Сергей Пролеев

Разумеется, смысл. Что отнюдь не исключает возможность для смысла быть истиной. Истинность для процесса понимания сохраняет свое регулятивное значение, хотя в существенно ином виде, чем в случае объективного познания. Различие между установками вытекает из того, что познавательная имеет дело с фактами, а герменевтическая предполагает артефакты. Первая работает с сущностями, вторая – со значениями (смыслами). Отсюда и различие их задач: знать в первом случае, и понимать – во втором. А кто-то думает иначе?:)

Елена Соболевская

Общепознавательная установка изначально претендует на объективность и в результате реализации – на обнародование своих достижений. Общепознавательная установка в принципе доступна каждому. Герменевтическая установка, с моей точки зрения, глубоко интимный процесс. Этой установке нельзя научиться. Ею нельзя обладать. Она обретается неведомыми, внутренними, духовными путями. В ней рождаются, в ней живут, в ней умирают. Истинного герменевта практически не интересует ни объективация его деятельности, ни признание его достижений в ближайшем будущем. Он просто идет и знает, что в мире нет «ничего абсолютно мертвого и у каждого смысла будет свой праздник возрождения» (М. Бахтин).

Герменевтика постигает смысл, смысл того или иного феномена, укорененного в действительности. Постигая смысл действительности, герменевтика *соприкасается с истинной* в том случае, если сама она в своих поисках продвигается истинными путями. Здесь всё зависит от того, кто и как идет. Каждый раз это другой путь, но если ты сможешь этот всегда единственный путь нащупать, то в поисках смысла того или иного явления ты рискуешь неожиданно попасть в *кайрос*, истину момента.

Константин Райхерт

Специфика герменевтической установки, на мой взгляд, состоит в том, что она задаёт концептуализацию любого объекта, который попадает в область её интереса, как текста. Дальше всё зависит от того, как понимается «текст». В узком смысле текст должен представлять собой комбинацию предложений на естественном языке, между которыми установлены межфразовые отношения, то есть речевую единицу, которая воплощает коммуникативный акт. В широком смысле текст – это любая комбинация знаков, необязательно естественно-языковых, которая наделяется смыслом. Так или иначе, текст имеет дело со смыслом. Отсюда: герменевтика, как практика работы с текстами, есть практика работы со смыслами, с их порождением, сохранением и распространением.

Виктор Левченко

Поскольку герменевтика имеет дело с текстами (в их расширительном значении), то мне кажется, что для нее истина как проблема должна быть помещена в скобки, т.е. признается ее важность, но не в данном контексте деятельности. Т.е. для занимающегося герменевтикой главным является тематическое единство текста, которое и есть его смысл. Текст имеет целостность, в пределах которой этот смысл формируется как результат синтеза разных ее компонентов, когда все части его пребывают в согласованных отношениях. Т.е. в тексте все его части должны быть уместны в рамках общего смысла, согласовываться в целостное единство смысла, а не быть там чужеродным образованием. Таким образом, автор, создавая текст, в который он вкладывает определенный смысл, кодирует отношения между элементами текста и самим смыслом, когда значения знаков и отношения между ними должны пониматься как указание на смысл. Смысл всегда скрыт, он не на поверхности. Для занимающегося истолкованиями и интерпретациями в рамках герменевтики смысл – определенная содержательная надстройка над значениями, являющаяся уникальной для каждого текста и возникает на основе взаимодействия данного текста с контекстом, когда становится очевидной значимость каждого значения в пределах определенного контекста.

Юлия Томашевская

Герменевтика осуществляет истину своего существования. Общепознавательная установка предполагает в качестве результата нечто, что должно быть более или менее четко артикулировано, выразимо, определено, предусматривающее некоторую претензию если не на объективность, то на ту или другую степень аппроксимации к объективности. В узком значении слова к любой форме научного знания требования еще жестче, включая возможность применения процедур верификации, фальсификации и принципа фаллибилизма. Границы научности позволяют принимать и ложные утверждения (т.к. отрицательный результат исследования – это тоже результат), используя их для построения научных гипотез. Однако, любая форма научного знания, от научного факта до парадигмы, требует определенной конструкторской инициативы для корреляции результатов исследования и построения общей системы знаний о мире, а это филигранная герменевтическая настройка оптики. Истина дисциплинирует герменевтику, а сама герменевтика есть некоторое пространство становления смыслов.

Ольга Барановская

Разделительный характер вопроса о том, что постигает герменевтика – истину или смысл? – предполагает соответствующее распределение целей: истина – для общепознавательной установки, а смысл – для герменевтической. Что и понятно, ведь установление какой бы то ни было определенности возможно при четко заданных рамках общезначимого, представленного в формальных или же практических (моральных, исторических, идеологических) нормативах истинности. А смысл, о-смысленность, требуют отдельного исследования, поскольку являются как экзистенциально-онтологическим условием предположения или означивания, но также и герменевтическим решением в преодолении разомкнутости, отрывочности понимания. В широкой формулировке, смысл выступает здесь как всегда открытая соотнесенность, соотносимость значений, а истина как согласованность значений в так или иначе заданных границах. Именно поэтому одно возможно без другого (истинное предложение может не иметь смысла и наоборот), но даже более того – само представление об истинном смысле оказывается уже не герменевтичным.

3. Герменевтика – это

- установка;
- ситуация;
- практика;

- метод;
- наука;
- искусство / технэ /;
- подход?

Елена Соболевская

В ответе на предыдущий вопрос, мне пришлось воспользоваться словом «установка», хотя, как видно из ответа, это слово плохо уживается с окружающими его словами. Герменевтика, конечно же, не установка. Если бы за словом искусство не стояло в скобках слово «технэ», я, пожалуй, могла бы согласиться на это наименование. Однако скобка не позволяет. Можно было бы принять и слово «метод», если бы оно не было бы доведено наукой до полного смыслового опустошения. Герменевтика есть *путь*, но путь этот априорно не может быть задан, подобно тому, как он задан в различных науках. И поскольку ни одно из предложенных имен мне не представляется удачным, я всё же назову герменевтику *особым мироощущением* и, соответственно, *особым способом поведения в мире, особым образом бытия*.

Юлия Томашевская

Хороший провокационный вопрос, требующий взять на себя ответственность и предложить окончательный ответ в «нескончаемом разговоре» на «проселочной дороге». В силу того, что русский язык может позволить себе роскошь прикрыть указательным местоимением отсутствие глагола «быть», формулировка требует уточнения. Возможно, этот вопрос следовало сформулировать следующим образом: «Что есть герменевтика?» и «Можно ли утверждать, что высказывание «герменевтика есть установка» истинно? В таком случае, мы должны определиться с модальностями. Действительно ли нас интересует «что есть герменевтика?» или для нас также представляет интерес «чем бывает герменевтика?» и «какой должна быть герменевтика?». Опуская, первый и третий случай, т. к. рамки нашего обсуждения не позволяют слишком углубляться, остановимся на втором – «чем бывает герменевтика? что с ней случается, какую роль она может играть?» Отвечая на этот вопрос, мы скорее всего, признаем, что герменевтика может играть ту или другую роль. Она может быть в роли метода тогда, когда нам представляется, что мы осознаем определенную последовательность шагов с фиксированной целью и даже можем представить определенный результат его применения. В тех случаях, когда применение правил истолкования не может быть подвергнуто безжалостному анализу, мы будем склонны видеть герменевтику в роли искусства и т. д. Вполне согласна и с

предложенной дефиницией «путь», если за этим мыслится некоторое мыслительное действие, которое само себя обнаруживает.

Константин Райхерт

Прежде всего, герменевтика – это практика интерпретации текстов. Сама эта практика может быть представлена в форме различных способов познания, таких как подход, метод, методология, искусство, наука и философия. Выбор того или иного способа познания, в который может быть превращена герменевтика, зависит прежде всего от исследователя, от тех задач, которые исследователь ставит перед герменевтикой как практикой интерпретации текстов, от тех ограничений (в виде области применения, правил пользования, приёмов и процедур), которые он накладывает на герменевтику.

Анна Рабокоровка

В историческом контексте мы можем говорить о том, что герменевтика является и искусством понимания (греческая философия), и универсальной наукой (Ф. Шлейермахер), и методом познания (В. Дильтей), и философским направлением (Г. Гадамер) и т. д. Одна дефиниция сменяет другую, но движение мысли не остановить. Мне ближе всего хайдеггеровский взгляд, согласно которому герменевтика есть способ человеческого существования, определённая форма жизни.

4. Как соотносятся внутри герменевтики такие понятия и процедуры, как понимание, истолкование, интерпретация?

Сергей Пролеев

Их соотношение зависит от смысловой структуры самой герменевтики, от той или иной ее концепции, в рамках которой данным понятиям может придаваться различный смысл. Соответственно будет различаться их соотношение.

Юлия Томашевская

Конституирование той или иной модели герменевтики задает принципы и условия определения понятийного инструментария и смысловые горизонты его функционирования. Эти понятия можно рассматривать как в синхронии, так и в диахронии, но вряд ли мы сможем выстроить из них круги Эйлера, т. к. в дело ясности всегда будут вносить свои помехи смысловые коннотации интерпретируемых текстов на других языках.

Елена Соболевская

Истолкование и интерпретацию я мыслю как синонимы и не думаю, что есть смысл их принципиально различать. Интерпретация – это путь к пониманию. Интерпретаций может быть бесконечное множество. Они могут конфликтовать между собой. Полное, совпадающее с окончательным смыслом понимание невозможно. Если интерпретатор

полагает, что он достиг предельного понимания, что он «обнимает» смысл целиком и владеет им, он просто впал в состояние догматического сна и его бодрствующий способ бытия дал трещину.

Анна Рабокоровка

Понимание – процесс духовно-практической природы, который всегда носит диалогический характер. Только в результате диалога возможно установление смысла. Я думаю, что понимание следует рассматривать, как точку касания со смыслом. Достигнуто оно может быть только в результате истолкования текста. Поэтому истолкование есть способ или путь к пониманию. Интерпретация же, с моей точки зрения, представляет собой начальный этап герменевтического анализа. Именно на этом этапе происходит установление значений определённых слов или элементов текста (в самом широком смысле слова).

Константин Райхерт

Достаточно трудно провести разграничение между понятиями «истолкование», «интерпретация» и «понимание», так как зачастую все эти понятия объясняются друг через друга. Здесь возможно только специально концептуально разграничить эти понятия, закрепив за ними определённые значения или смыслы. Так под «истолкованием» можно, например, понимать простое разъяснение, объяснение себе, расценивание; под «интерпретацией» – совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным знакам; под «пониманием» – человеческая мыслительная операция по усвоению новой информации и включению её в систему человеческого знания. Возможны другие варианты концептуального разграничения понятий «истолкование», «интерпретация» и «понимание».

5. С какими иными задачами связана герменевтическая работа:

- с дешифровкой;
- с переводом;
- с коммуникацией;
- с диалогом?

Елена Соболевская

Герменевтика, прежде всего, связана с *усмирением своего субъективного «Я»*, дабы дать возможность сказаться самим сущностям. (Это своего рода майевтика). В процессе диалога с «вещами» мы познаем не только то, с чем вступаем в диалог, но и самих себя. Потому герменевтика связана ещё и с *самопознанием*. Кроме вышеуказанных задач, она также связана с *семиотизацией действительности*. Но, в общем, все эти задачи тесно переплетены. Так, осуществляя *перевод*, ты уже вступаешь в *диалог*. Вступая в *диалог*, ты тем самым вступаешь в процесс коммуникации, обнаруживаешь и укрепляешь связанность всего сущего.

Константин Райхерт

Как уже указывалось ранее, герменевтика – это интерпретационная практика, направленная на понимание текста. Для того чтобы понять текст, с самим текстом можно обращаться как с закодированным посланием (тогда герменевт будет заниматься дешифровкой текста), как с текстом, который был создан на другом языке (тогда герменевт будет заниматься переводом текста), как с формой связи (тогда герменевт будет рассматривать текст как часть коммуникативного акта, например, как медиум) и, наконец, как с воображаемым собеседником (тогда герменевт будет вести диалог с «автором» текста).

б. Каким образом герменевтика сопредельна или же состоит в отношении комплементарности с другими науками: семиотикой, риторикой, логикой, лингвистикой и др.?

Елена Соболевская

Если понимать герменевтику как способ бытия, то все вышеназванные дисциплины с их методологией являются для герменевтики вспомогательными. Герменевтика шире и глубже каждой из них в отдельности. Она черпает из них то, что ей в данный момент необходимо.

Анна Рабокоровка

Исходным пунктом семиотики и герменевтики является языковая реальность. При этом семиотика изучает отношения между знаком и значением в языке. Значения эти устойчивы, в частности, зафиксированы в словарях. Но смысл, который скрывается за этими значениями, семиотика не исследует. Он её не интересует. Герменевтика же, начиная со значений слов, движется дальше, стремясь установить отношения между знаком, значением и смыслом. Герменевтика движется от языковой реальности к смысловой. Семиотика же пределов языковой реальности не покидает. В этом их принципиальное отличие.

В свою очередь, лингвистический анализ – это начальный этап анализа герменевтического. Сначала надо понять слова, различные языковые связи, а затем уже смыслы. Что касается вопроса о соотношении риторики и герменевтики... Думаю, риторика и герменевтика носят разнонаправленный характер. Риторика говорит о том, как создаются тексты, а герменевтика о том, как постигаются смыслы этих текстов.

Виктор Левченко

По большому счету все эти задачи решаются герменевтикой. Для меня самой важной из указанных является диалогическая. Вообще, начиная с Шлейермахера, стало понятно, что смысл не существует как готовая данность, а формируется в процессе диалога. Выявить особенности этого диалога (а это может быть и вариант Гадамера, где понимание

осуществляется в процессе диалога между читателем и текстом, когда постигается смысл не как то, что «хотел сказать автор», а как то, «что говорится в тексте», так и рикеровского, где добавляется еще и диалог читателя с самим собою в процессе истолкования текста) - важнейшая задача герменевтики. Последний случай наиболее интересен, так как благодаря ему открывается и смысл текста, и сущность читательского Я. Кстати, именно благодаря диалогу, герменевтика поворачивается в своем интересе к истине, об отношении к которой говорится во втором вопросе. Ведь Гадамер показал, что поскольку диалог представляет собою не два отдельных монолога, а есть «возделывание общего поля говоримого», то есть создание того общего контекста, который развивается в процессе диалога и вызывает изменение смыслов отдельных высказываний. Именно благодаря Гадамеру этот диалог начал пониматься не просто как разговор и взаимодействие двух сознаний, а как форма бытийственной причастности к истине, осуществляемой в языке.

Константин Райхерт

Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимается под «герменевтикой». Если герменевтика – это наука, тогда можно говорить о пересечении области исследования герменевтики с областями исследований других наук, которые занимаются изучением текстов, таких, например, как лингвистика, семиотика и т. д. Если герменевтика – это метод или что-то в этом роде, тогда следует искать в каких научных и философских дисциплинах этот метод может применяться, а может он применяться в тех дисциплинах, которые изучают тексты.

Юлия Томашевская

Мне представляется целесообразным сделать акцент на понятии комплементарности и попытаться дать ответ на вопрос о том, насколько оправданным может считаться его применение в данном контексте. Если следовать традиции уважения к автору, то необходимо напомнить, что принцип комплементарности в научном дискурсе впервые прозвучал в работах Нильса Бора. Тогда в годы «бури и натиска», в фундаментальных науках о природе происходили тектонические сдвиги и, не в последнюю очередь, благодаря тому, что исследователей волновал вопрос о том, «как возможно понимание нового знания» в научной парадигме, которая себя изжила. Прилагая определенные усилия, для согласования новых фактов и отдавая себе отчет в том, что ни одна из возможных систем описания динамических процессов в квантовой физике не может быть признана удовлетворительной, Бор предложил изменить требования. В частности, он считал, что для полноты описания события в области квантовой физики, в ситуации, когда есть исключаяющие друг друга данные измерения,

необходимо принять и те, и другие результаты как дополнительные. Известная в тот период дискуссия о природе света, как корпускулы или волны, была решена в пользу «корпускулярно-волновой теории света».

Если мы посмотрим на отношения герменевтики и риторики или герменевтики и лингвистики, то вынуждены будем признать, что их отношения нельзя идентифицировать как комплементарные, в строгом значении слова. Допустимо говорить о комплементарности при условии, что речь идет об одном исследуемом объекте, модели которого, в результате применения различных языков описания (и/или систем отсчета и т.д.) оказываются исключаяющими и предполагающими друг друга, при этом каждая из «участвующих сторон» предполагает наличие другой и без другой не может быть определена.

Ольга Барановская

В сфере решений, так или иначе связанных с научным дискурсом, границы герменевтики проявляются, как правило, негативным образом, через противопоставление в их отношении к феномену языка. Хотя было бы хорошо, если бы герменевтика в ее фундаментальном статусе задавала платформу наукам о языке.

Если для герменевтики, по выражению Гадамера, «функционирование языка – простое предварительное условие», то для лингвистики важно высветить функционирование языка как такового. С лингвистикой сопоставима и риторика, если рассматривать ее в качестве традиционной дисциплины или искусства. Но когда риторика сводится к речевым кодам, представляющим некую самоданность, самоистолкованность и даже самоизоляцию определенных языковых пространств (например, политического, научного и т.п.), функционирование языка приобретает здесь специфический ракурс. В этом смысле риторика может выступать особым предметом и представлять существенный интерес для герменевтики в качестве модусов языковой адаптации к различным сферам контроля над человеком.

Отношение герменевтики к логике далеко настолько, насколько далеки друг от друга герменевтически понимаемый смысл и логический смысл выражения. Даже, когда логика имеет дело с модальностями, оценочными, нормативными суждениями, отношениями знаков, она все равно работает в ограничениях, задаваемых структурами и правилами мышления, определяемыми на основании представлений об истинности. Логика достраивает язык до требуемой для нее формы, лишь частично принимая естественные формы и жизнь языка.

Очевидно, что наиболее близко, герменевтика должна соприкасаться с семиотикой, точнее, семиологией (как метасемиотикой), т.к. если

представлять семиотику так, как это делал Ч. Пирс, то тогда по сути речь будет идти о логике. Поскольку герменевтические процедуры истолкования и понимания нуждаются в переводе чужого в свое, одного способа данности в другой, и поэтому, в конечном итоге, вынуждены опираться на некие принципы или формы согласования, соотносимости знаков. Семиология, работая в этом направлении, имеет тенденцию к методологичности, к выстраиванию процедур, способов анализа отношения и согласования знаков, что могло бы стать дополнением или, по крайней мере, материалом для герменевтического дискурса. Но при этом нельзя не принять во внимание, что то существенное самоограничение, которое вынуждена вводить семиология, для герменевтики может оказаться губительным. Ведь ради методологической корректности здесь приходится называть языком только то, что подчиняется кодировке, включая суждения вкуса и эстетическую функцию сообщений. И даже тогда, когда тот или иной вид сообщений принципиально не кодифицируется, семиолог не утрачивает надежды все таки найти для него свой код. А герменевтика даже в своем исконном предназначении («дешифровка» посланий богов) не полагалась, а точнее, не должна была полагаться ни на однозначность связки знака и значения, ни на унификацию процедур «дешифровки». Код и кодификация могут быть для герменевтики предметом (в частности, как уже было сказано выше, риторические коды могут представлять герменевтический интерес), но ни в коем случае не могут быть методологическим «подспорьем».

7. *Применима ли для герменевтики Кантова характеристика «докоперниканской» и «коперниканской ситуации»?*

Елена Соболевская

Думаю, что применима, хотя и не в том смысле, как она понималась Кантом в контексте его философской системы. Когда начинается герменевтика, мир и на самом деле предстает совершенно иным, но это отнюдь не мир субъективной феноменологической данности. Если понимать «феномен», как его истолковывал Кант, то, что же остается на долю герменевтики? Однако, совершая своего рода «коперниканский переворот», Кант, как мне представляется, был, может, и не «настоящим», но уж точно «великим» герменевтом.

Сергей Шевцов

Думаю, нет. Скорее применима кантовская категория *общения* (*Wechselwirkung*) в смысле «взаимодействия», а если еще точнее, то в смысле со-образования и со-формирования познаваемого и познающего. Но это осуществлялось в практике и раньше, герменевтика способна только зафиксировать данный факт, но едва ли, в отличие от Канта, привести в него что-либо.

Константин Райхерт

Упрощенно говоря, суть «коперниканского переворота» И. Канта сводится к следующему: не субъект вращается вокруг объекта, а наоборот: объект вокруг субъекта. Герменевтика как интерпретационная практика в основном имеет дело с тем, как «читатель» текста понимает сам текст. Можно сказать, что для «читателя» текст предстает как объект, в то время когда сам «читатель» оказывается субъектом. Между тем, я думаю, что между текстом и «читателем» складываются непростые отношения в силу того, что текст задает интерпретационные рамки для понимания – и с этими рамками «читателю» приходится считаться, если он действительно хочет понять смысл текста. Здесь однозначно нельзя понять, кто или что вращается вокруг кого или чего; скорее текст и «читатель» находятся в состоянии соотнесенности, когда без одного невозможно другое.

8. *Существуют ли пределы применимости герменевтического подхода, и могут ли они быть установлены самой герменевтикой?*

Елена Соболевская

Пределы применимости герменевтического подхода, по-видимому, существуют. Там, где начинается и там, где необходима строгая научная мысль, которая точно знает, куда она идет, там нет места герменевтике. Пределы герменевтического подхода не могут быть установлены самой герменевтикой. Герменевтика не может исключать саму себя. В противном случае она перестает быть герменевтикой. Другое дело, как в этой так называемой герменевтической установке «родиться» и удержаться? Пределы герменевтики сокрыты в самом человеке, который, имея зрение и слух, почему-то перестает слышать и видеть «вещи».

Константин Райхерт

Герменевтика ограничена текстом и способностью герменевта проинтерпретировать и понять текст. Какие-то дополнительные ограничения герменевтики зависят от того, чем является герменевтика «в руках» герменевта: методом, искусством, философией или наукой. Сами же эти дополнительные ограничения на герменевтику накладывает не она сама, а философия, которая обосновывает существование самой герменевтики.

Сергей Шевцов

Герменевтике для ограничения самой себя нужно найти категории, на основании которых такое ограничение стало бы возможным. Возможно ли найти такие категории внутри самой герменевтики, вопрос спорный, но можно определенно сказать, что на данный момент внутри самой герменевтики такие категории не выделены.

9. Действительно ли «герменевтический круг» имеет апорийный характер, и в чем он на самом деле заключается?

Елена Соболевская

Думаю, что апорийность (или антиномичность) как раз и есть основная характеристика «герменевтического круга». «Герменевтический круг» как раз и подобен труднопроходимому туннелю, тем более что его «конец» одновременно является и его же «началом». Ты пребываешь в кругу противоречий, где неожиданно сталкиваются и сочетаются, на первый взгляд, совершенно отдаленные звенья. Но нужно довериться этой противоречивой ситуации; если хотите, то даже возлюбить её. Поскольку именно в ситуации «герменевтического круга» как в ситуации трагически противоречивой человек способен ощутить полноту бытия, а возможно – и своё бессмертие. А, в общем, полностью рационализировать и однозначно передать словами суть «герменевтического круга» для меня не представляется возможным.

Виктор Левченко

Для открытия смысла нужно двигаться по герменевтическому кругу таким образом, чтобы обязательно учитывались новые контексты жизни текста, возникали такие смыслы, которые вообще не предусматривались автором, но являются адекватными определенным контекстуальным связям текста и открываются в контексте того, кто в других исторических условиях воспринимает данный текст.

Анна Рабокоровка

На мой взгляд, герменевтический круг не обязательно должен иметь апорийный характер, хотя исключать такую возможность я бы не стала. Герменевтический круг – это схема или алгоритм продвижения к смыслу. Формируя целостность, некую смысловую сферу герменевтический круг задаёт критерий понимания, ведущий к смыслу. В этом смысле мы можем говорить о существовании не одного герменевтического круга, а об их множестве. К примеру, мы можем сопоставлять два или более текста, анализировать отношения между творчеством автора и литературным контекстом эпохи и т.д. Задача герменевтического круга создавать условия для постижения адекватного и полного смысла.

Ольга Барановская

Представление об апорийности «герменевтического круга» возникает, возможно, как результат разделения и затем взаимоналожения двух принципов или способов мышления: в широком смысле аналитического (включающего также и экзистенциальный характер понимания, который, предполагает бытийную разомкнутость и разомкнутость мира) и символического, предполагающего единство

сознания, интуитивное схватывание целого, взаимополагание различного и т.п. Намерение не просто сопоставить, а вывести одно из другого – это действительно нерешаемая задача или непроходимое место, ведь, образно говоря, двигаясь по поверхности колеса, мы пытаемся найти на ней исходную точку, либо же «выпить море», т.е. вычерпать неисчерпаемое.

10. Имеет ли герменевтическое поле границы, и можно ли из него выйти?

Елена Соболевская

Да, имеет – рождение и смерть автора-герменевта. Выйти из него нельзя, поскольку из бытия выхода просто нет. Но это не безнадёжная ситуация. Для настоящего герменевта всегда есть возможность *исхода*.

Сергей Шевцов

Можно предположить, что при мистическом слиянии с познаваемым познающий выходит за пределы герменевтического поля. Это же можно сказать о ситуации полной ясности. Вместе с тем, герменевтика всегда может заявить на свои права и в отношении подобных ситуаций, так как у нее нет естественных ограничений.

Юлия Томашевская

Любая герменевтическая процедура реализует себя так или иначе как система референций, которые, в свою очередь, предполагают «различение» в качестве обязательного условия. Допущение возможности отсутствия герменевтики может быть помыслено только за пределами каких бы то ни было различий. Из истории нам известны попытки прекращения «различать» дабы «совершить прорыв» к Единому. Как известно, Иоанн Лествичник погрузился в безмолвие на долгие сорок лет, а по возвращении, осмысливая свой путь, описал то, что удалось в пределах выразительных возможностей человеческого языка. Насколько мы можем сегодня судить, монаху-молчальнику определенно удалось вернуться в герменевтическое поле, однако мы не можем с уверенностью утверждать, что он его покидал.

Анна Рабокоровка

Герменевтическое поле ограничено полем культуры, если рассматривать последнюю в качестве системы кодов или текстов, в которых зашифрованы смыслы. Поэтому выход за границы герменевтического поля возможен, но всегда индивидуален. Конечность человеческого бытия в мире определяет эту возможность.